

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Семантико-прагматические особенности речевого акта обещания в
русской языковой картине мира

Исполнитель Лапшанова Екатерина Алексеевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)

Ротмистрова Ольга Валерьевна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующая кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

« 27 » сеп. 2023 г.

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Теоретические основы исследования речевого акта «обещание» как фрагмента языковой картины мира.....	11
1.1. Речевой акт как предмет лингвистических исследований.....	11
1.1.1. Подходы к определению понятия «речевой акт».....	13
1.1.2. Лингвистические аспекты исследования речевых актов.....	15
1.2. Речевой акт обещания как значимый фрагмент русской языковой картины мира	18
1.2.1. Место речевого акта «обещание» в пространстве комиссивных речевых актов.....	18
1.2.2. Речевой акт обещания как отражение ценностного аспекта русской языковой картины мира.....	20
Выводы по главе I.....	25
Глава II. Семантико-прагматический аспект речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира.....	27
2.1. Объём и содержание понятия «обещание» в русской языковой картине мира.....	27
2.1.1. Понятие «обещание» по данным лексикографических источников.....	27
2.1.2. Репрезентация феномена «обещание» в паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка.....	32
2.2. Семантико-прагматические характеристики языковых средств выражения речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира.....	36
2.2.1. Семантико-прагматические характеристики глаголов, выражающих речевой акт обещания в РЯКМ.....	37

2.2.2. Национально-культурная специфика речевого акта обещание в русской языковой картине мира.....	47
Выводы по главе II.....	56
Заключение.....	59
Список литературы.....	63

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию семантико-прагматических особенностей средств, участвующих в реализации речевого акта обещания в русской языковой картине мира.

Особенности функционирования речевых актов в речи и средства их выражения являются одним из особенно востребованных предметов в лингвистической науке: ввиду смещения интересов учёных от исследований литературного языка к изучению явлений разговорной речи произошла смена приоритетов по отношению к единице речи. В результате этого в качестве основных синтаксических единиц речевой сферы стали выделять не предложение, а высказывание и речевой акт.

Изначально в сфере интересов классической теории речевых актов рассматривались определение, анализ и классификация речевых актов, а специфика соотношения между конкретным речевым актом и используемыми для его выражения речевыми средствами оставалась вне поля зрения данного направления. Иными словами, классическая теория речевых актов была абстрагирована от исследования реальной коммуникации, значит, не делала попыток объяснить, каким образом цели и намерения говорящего находят полноценную реализацию в конкретном речевом общении. При этом очевидно, что в совокупности изучение прагматических установок говорящего и теоретических аспектов исследования речевых актов позволяет выявлять специфику функционирования рассматриваемых феноменов в том или ином языке.

С развитием теории коммуникации, в круг проблем которой и вписалась теория речевых актов, появились лингвистические работы, посвященные изучению определенных видов речевых актов. Так, речевой акт оценки нашёл отражение в работах Л.Н. Анипкиной [2], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [10], речевой акт вопроса – в трудах Р. Конрада [35] и С.В.

Андреевой [1], речевой акт пожелания – в работах Н.А. Ранних [51], речевой акт комплимента стал предметом рассмотрения в исследованиях Л.Э. Безменовой [7], в трудах И.Б. Шатуновского были рассмотрены речевые акты разрешения и запрещения [59], а в работах О.В. Бычихиной – речевой акт отказа [14]. Актуализация подобных исследований закономерна: речевые акты представляют важную составляющую вербального взаимодействия. К числу таких важных составляющих относится и речевой акт обещания (промисив), специфика функционирования которого в основном рассматривается на примере иностранных языков (английского, немецкого, французского и др.) или в сопоставительном аспекте (см. работы Е.Э. Былиной [12; 13], О.В. Гашевой [18; 19], Е.В. Ерофеевой [26], Н.М. Колоколовой [33; 34], Е.Г. Которовой [36], Б.Б. Реджеповой [52] и др.). Особенности данного речевого акта в контексте русской языковой картины мира рассматриваются в работах Н.Ш. Галлямовой (в лингвокультурологическом и функционально-прагматическом аспектах [17]) и В.В. Оглезнева (в рамках рассмотрения необходимых для успешной реализации акта обещания требований [44; 45]).

Согласно утверждению Н.Ш. Галлямовой, «представление о специфике функционирования соответствующего речевого акта в процессе реальной коммуникации» [17] и получение его наиболее полного речевого «портрета» становится возможным при условии целостного представления «о той или иной интенции как единице, в которой диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание» [Там же]. Именно поэтому рассматривать особенности функционирования речевого акта обещания в русской языковой картине мира принципиально на семантико-прагматическом уровне.

Наиболее фундаментальное описание речевой акт обещания получил в работах Н.Ш. Галлямовой, где он рассматривается параллельно с речевым актом «клятва» в лингвокультурологическом и функционально-

прагматическом аспектах. Изучение семантико-прагматических особенностей актуализируемого речевого акта существенно расширит представления о его функционировании в русской языковой картине мира. Данный вектор мы сделали приоритетным в рамках нашей работы. Лексикографические источники, тексты различного характера, данные экспериментов и др. – всё это является источником получения сведений о нюансах семантико-прагматического потенциала речевого акта обещания.

Таким образом, **актуальность** темы исследования обусловлена значимой ролью речевого акта «обещание» в составе вербального взаимодействия, характерного для русской языковой картины мира, и недостаточной изученностью семантико-прагматических особенностей данного акта как идентификаторов речевого взаимодействия между говорящим и слушающим, характерного для русской лингвокультуры.

Объект исследования – речевой акт «обещание» и средства его выражения в русской языковой картине мира.

Предмет исследования – семантико-прагматический аспект средств выражения данного речевого акта.

Цель исследования – выявить и описать семантико-прагматические особенности средств выражения речевого акта обещания в русской языковой картине мира.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- изучить подходы к определению понятия «речевой акт»;
- проанализировать и обобщить существующие классификации речевых актов;
- рассмотреть лингвистические аспекты исследования речевых актов;
- охарактеризовать средства реализации речевых актов;

- охарактеризовать речевой акт «обещание» в контексте пространства комиссивных речевых актов;
- проанализировать речевой акт обещания в рамках ценностного аспекта РЯКМ;
- определить объём и содержание понятия «обещание» в РЯКМ;
- путём различных видов лингвистического анализа выявить и проанализировать семантические и прагматические особенности языковых средств выражения речевого акта обещания в РЯКМ;
- описать семантико-прагматические особенности выражения речевого акта обещания в контексте его дискурсивных характеристик;
- рассмотреть способы вариативной вербализации семантико-прагматических компонентов различных типов обещания в РЯКМ;
- проанализировать семантико-прагматические компоненты средств выражения речевого акта обещания с точки зрения их национально-культурной специфики.

Новизна работы состоит в исследовании семантико-прагматических компонентов выражения речевого акта «обещание» как существенного фрагмента русской языковой картины мира с учётом их собственно лингвистических, ассоциативных, дискурсивных, национально-культурных, ценностных особенностей.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она представляет собой опыт анализа речевого акта обещания в семантико-прагматическом аспекте и сквозь призму русской языковой картины мира. Результаты исследования способствуют разработке проблемы прямых и косвенных речевых актов на семантическом и прагматическом уровнях. Методика, положенная в основу настоящего исследования, может быть

реализована при изучении других речевых актов, функционирующих в русской языковой картине мира. Семантико-прагматический подход к изучению речевого акта обещания в русском языке позволяет выявить основные закономерности реализации и определить специфические черты данного речевого акта в РЯКМ.

Практическая значимость работы заключается в том, что её материалы и полученные выводы могут быть применены в практике преподавания курсов «Современный русский язык», «Культура речи», «Основы риторики», «Теория речевых актов», при разработке спецкурсов и спецсеминаров.

В работе использовались следующие **методы** исследования: метод компонентного анализа семантики слов, метод комплексного анализа, лингвистический, прагматический, семантический анализ, метод статистического анализа, метод наблюдения.

Материал исследования составили:

- 1) работы основоположника теории речевых актов Дж. Остина и труды Дж. Сёрля, в которых данная теория получила существенное развитие;
- 2) работы таких отечественных и зарубежных исследователей, как К. Бах, В.В. Богданов, А. Вежбицкая, Д. Вундерлих, Дж.Н. Лич, Г.Г. Почепцов, Н.И. Формановская и др., которыми были предложены различные классификации речевых актов;
- 3) труды таких исследователей, как В.В. Асеева, Е.Ф. Гонгало, Ю.А. Ейкалис, Н.А. Жихаревой, О.Р. Петренко и др., в которых приводятся теоретические обобщения существующих классификаций речевых актов и подходов к определению данного понятия;

- 4) работы С.В. Андреевой, Л.Н. Анипкиной, Л.Э. Безменовой, Т.В. Булыгиной, О.В. Бычихиной, Р. Конрада, Н.А. Ранних, И.Б. Шатуновского, А.Д. Шмелева и др., посвящённые изучению определённых видов речевых актов;
- 5) работы Е.Э. Былиной, Н.Ш. Галлямовой, О.В. Гашевой, Е.В. Ерофеевой, Н.М. Колоколовой, Е.Г. Которовой, В.В. Оглезнева, Б.Б. Реджеповой и др., посвящённые описанию речевого акта обещания в разных языковых картинах мира;
- 6) материалы лексикографических источников, экспериментов, Национального корпуса русского языка, текстов различного характера, отражающих специфику функционирования речевого акта обещания в русской языковой картине мира.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **введении** обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В **первой главе**, посвящённой рассмотрению теоретических основ исследования речевого акта «обещание» как фрагмента языковой картины мира, рассматриваются подходы к определению понятия «речевой акт», приводится анализ и обобщение существующих классификаций речевых актов, рассматриваются лингвистические аспекты исследования речевых актов, описываются средства реализации речевых актов, речевой акт «обещание» рассматривается в контексте пространства комиссивных речевых актов и в рамках ценностного аспекта русской языковой картины мира.

Во **второй главе**, посвящённой описанию семантико-прагматического аспекта речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира, определяется объём и содержание понятия «обещание» в РЯКМ, приводится

описание семантико-прагматических характеристик средств выражения речевого акта «обещание» в РЯКМ, выявленных в результате различных видов лингвистического анализа.

В **заключении** приводятся обобщения теоретического характера и выводы, сделанные в рамках исследования.

Глава I. Теоретические основы исследования речевого акта «обещание» как фрагмента языковой картины мира

1.1. Речевой акт как предмет лингвистических исследований

1.1.1. Подходы к определению понятия «речевой акт»

Понятие «речевой акт» связано, прежде всего, с именами Дж. Остина и Дж. Сёрля.

Главной особенностью теории речевых актов стал подход, согласно которому речевой акт позиционируется «как способ достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств» [43, с. 13]. Именно данная особенность стала отправной точкой пристального внимания лингвистов к исследованию феномена речевых актов: «простая констатация того, что язык есть средство, орудие, инструмент общения» [Там же] перестала удовлетворять сферу научных интересов лингвистов. Приоритетными научно-практическими вопросами стали вопросы о том, что собой представляет механизм использования языка для достижения целей, которые по природе своей многообразны (в зависимости от специфики и особенностей коммуникации) и возникают в процессе социального взаимодействия людей [Там же].

Что же касается единого речевого акта, то в ТРА он представляется как трехуровневое образование [Там же, с. 14]:

- 1) речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как *локутивный акт*;
- 2) речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как *иллокутивный акт*;
- 3) в отношении к своим результатам речевой акт выступает как *перлокутивный акт*.

Именно данную трёхуровневую схему (модель) речевого действия и предложил Дж. Остин, причём главным новшеством в ней стало понятие иллокуции.

Изначально в сфере интересов классической теории речевых актов рассматривались определение, анализ и классификация речевых актов, а специфика соотношения между конкретным речевым актом и используемыми для его выражения речевыми средствами оставалась вне поля зрения данного направления. Иными словами, классическая теория речевых актов была абстрагирована от исследования реальной коммуникации, значит, не делала попыток объяснить, каким образом цели и намерения говорящего находят полноценную реализацию в конкретном речевом общении. При этом очевидно, что в совокупности изучение прагматических установок говорящего и теоретических аспектов исследования речевых актов позволяет выявлять специфику функционирования рассматриваемых феноменов в том или ином языке.

Согласно утверждению Н.Ш. Галлямовой, «представление о специфике функционирования соответствующего речевого акта в процессе реальной коммуникации» [17] и получение его наиболее полного речевого «портрета» становится возможным при условии целостного представления «о той или иной интенции как единице, в которой диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание» [Там же]. Именно поэтому рассматривать особенности функционирования речевого акта обещания в русской языковой картине мира принципиально в семантическом и прагматическом аспектах.

В дальнейшем в отечественной лингвистике актуализировались исследования, указывающие на траекторию сближения теории речевых актов и теории речевых жанров [14; 26; 39; 41; 60]. В таких работах отражены вопросы, объединяющие проблемное поле обеих наук. и работы по изучению конкретных речевых жанров [17; 43; 52].

Кроме того, обращаясь к вопросу об актуальности теории речевых актов Джона Остина и Джона Серля, начинающие исследователи обращают внимание на отсутствие достаточной степени обоснованности и систематизации данной теории, чем вызвано её «шаткое» положение в системе современной лингвистической парадигмы. Вместе с тем «эта теория указала на существенные «пробелы» в исследованиях лингвистов и философов прошлого и привлекла всеобщее внимание к проблемам перформативной силы высказывания. Данные теоретические наработки могли бы быть крайне полезны для решения широкого спектра вопросов, касающихся не только лингвистической науки, но и, например, философии права, будь то вопросы свободы слова, практики лингвистической экспертизы и т.д. Теория речевых актов также могла бы дополнить положения стилистики и других дисциплин.

1.1.2. Лингвистические аспекты исследования речевых актов

В лингвистике речевой акт был исследован в сопоставительном, лингвокультурологическом, функциональном, прагматическом аспектах.

Изначально в сфере интересов классической теории речевых актов рассматривались определение, анализ и классификация речевых актов, а специфика соотношения между конкретным речевым актом и используемыми для его выражения речевыми средствами оставалась вне поля зрения данного направления. Иными словами, классическая теория речевых актов была абстрагирована от исследования реальной коммуникации, значит, не делала попыток объяснить, каким образом цели и намерения говорящего находят полноценную реализацию в конкретном речевом общении. При этом очевидно, что в совокупности изучение прагматических установок говорящего и теоретических аспектов

исследования речевых актов позволяет выявлять специфику функционирования рассматриваемых феноменов в том или ином языке.

С развитием теории коммуникации, в круг проблем которой и вписалась теория речевых актов, появились лингвистические работы, посвященные изучению определенных видов речевых актов. Так, речевой акт оценки нашёл отражение в работах Л.Н. Анипкиной [2], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [10], речевой акт вопроса – в трудах Р. Конрада [35] и С.В. Андреевой [1], речевой акт пожелания – в работах Н.А. Ранних [51], речевой акт комплимента стал предметом рассмотрения в исследованиях Л.Э. Безменовой [7], в трудах И.Б. Шатуновского были рассмотрены речевые акты разрешения и запрещения [59], а в работах О.В. Бычихиной – речевой акт отказа [14]. Актуализация подобных исследований закономерна: речевые акты представляют важную составляющую вербального взаимодействия. К числу таких важных составляющих относится и речевой акт обещания (промисив), специфика функционирования которого в основном рассматривается на примере иностранных языков (английского, немецкого, французского и др.) или в сопоставительном аспекте (см. работы Е.Э. Былиной [12; 13], О.В. Гашевой [18; 19], Е.В. Ерофеевой [26], Н.М. Колоколовой [33; 34], Е.Г. Которовой [36], Б.Б. Реджеповой [52] и др). Особенности данного речевого акта в контексте русской языковой картины мира рассматриваются в работах Н.Ш. Галлямовой (в лингвокультурологическом и функционально-прагматическом аспектах [17]) и В.В. Оглезнева (в рамках рассмотрения необходимых для успешной реализации акта обещания требований [44; 45]).

Согласно утверждению Н.Ш. Галлямовой, «представление о специфике функционирования соответствующего речевого акта в процессе реальной коммуникации» [17] и получение его наиболее полного речевого «портрета» становится возможным при условии целостного представления «о той или иной интенции как единице, в которой диалектически связаны собственно

языковое и внеязыковое содержание» [Там же]. Именно поэтому рассматривать особенности функционирования речевого акта обещания в русской языковой картине мира принципиально на семантико-прагматическом уровне.

Наиболее фундаментальное описание речевой акт обещания получил в работах Н.Ш. Галлямовой, где он рассматривается параллельно с речевым актом «клятва» в лингвокультурологическом и функционально-прагматическом аспектах. Изучение семантико-прагматических особенностей актуализируемого речевого акта существенно расширит представления о его функционировании в русской языковой картине мира. Данный вектор мы сделали приоритетным в рамках нашей работы. Лексикографические источники, тексты различного характера, данные экспериментов и др. – всё это является источником получения сведений о нюансах семантико-прагматического потенциала речевого акта обещания.

Отдельным аспектам изучения промисивного речевого акта в целом посвящены работы ученых как в нашей стране (Богданов, 1989; Вежбицка, 1996; Восканян, 1987; Гак, 1998; Гусаренко, 2003; Кудинова, 2005; Романов, 1996 и др.), так и за рубежом (Austin, 1986; Ballmer, 1981; Katz, 1987; Maingeneau, 1999; Rolf, 1987; Searle, 1994; Vanderveken, 1990 и др.). Важно подчеркнуть, что в отечественном языкознании речевой акт обещания рассматривается в основном на примере отдельных языков, поэтому подавляющее большинство работ посвящено сопоставительному исследованию сходных явлений при реализации речевого акта обещания в разных языках, например, в русском и английском, в русском и французском, во французском и английском и др.

Исследование способов выражения тех или иных речевых актов (и прямых, и косвенных) в различных аспектах их функционирования позволит определить семантико-прагматический потенциал этих актов в русской языковой картине мира.

1.2. Речевой акт обещания как значимый фрагмент русской языковой картины мира

1.2.1. Место речевого акта «обещание» в пространстве комиссивных речевых актов

В системе речевых актов традиционно выделяется класс комиссивов – речевых действий, базовая интенция которых состоит в убеждении адресата в намерении говорящего совершить либо не совершать некоторое действие [11–20]. Комиссив устанавливает определенное положение дел и соотносится с другими типами речевых действий, классы которых варьируются в работах исследователей. Дж. Остин выделяет вердиктивы (приговор, оценка), экзерситивы (назначение на должность, приказ, совет), комиссивы (обещание, клятва), бехабитивы (извинения, поздравления), экспозитивы (констатации, признания), Дж. Серль противопоставляет репрезентативы (утверждения, уверения), директивы (приказы, просьбы), комиссивы (обещания, гарантии), экспрессивы (выражения эмоций) и декларативы (изменения говорящим статуса адресата – назначения, церемониальные акты), А. А. Романов предлагает более дробную систему речевых действий, в основе которых лежат определенные иллокутивные функции (конститутивная, репрезентативная, интерактивная и когнитивная). В рамках декларативно-экспрессивных действий, обусловленных конститутивной функцией, выделяется класс *комиссивов*, включающий *обязательства, клятвы, зароки, заверения, соглашения, обещания, гарантии, обеты, держания пари* [54].

Возможны два основных способа выделения и описания речевых актов и их жанровых разновидностей: первый способ состоит в логическом моделировании ситуаций и установлении действий, соответствующих признакам той или иной ситуации, второй способ заключается в инвентаризации глаголов, обозначающих речевые действия, т.е. фиксирующих те разновидности речевых актов, которые социум считает

нужным вербально обозначить. Эти два способа взаимодополнительны. Достоинством первого способа является выделение достаточно детального списка коммуникативных действий, но отсюда же вытекает и основной его недостаток: некоторые действия могут оказаться нерелевантными для речевого коллектива. Например, признак несерьезности обещания, сделанного в шуточной форме, не находит выражения в системе комиссивов и не имеет специального обозначения как подтип данного класса. Достоинство второго подхода – опора на предпочтения социума, но в группе глаголов, обозначающих обязательства говорящего совершить или не совершать определенные действия, могут оказаться описательные единицы, которые не столько характеризуют действие, сколько показывают отношение общества к нему. Теория речевых действий предполагает опору на разграничение перформативов, т.е. действий, в результате которых происходит изменение обстоятельств, и дескриптивов, т.е. описаний тех или иных действий. Тематические группы глаголов в рамках класса комиссивов закономерно включают как перформативы, так и дескриптивы, и тем самым размывается содержательная суть объяснения речевых действий. Вместе с тем следует заметить, что описание, сопряженное с оценкой, исключительно важно для характеристики действия.

Речевой акт обещания (комиссив) и специфика его функционирования в основном рассматривается на примере иностранных языков (английского, немецкого, французского и др.) или в сопоставительном аспекте (см. работы Е.Э. Былиной [14], О.В. Гашевой [18; 19], Е.В. Ерофеевой [26], Н.М. Колоколовой [33; 34], Е.Г. Которовой [36], Б.Б. Реджеповой [52] и др). Особенности данного речевого акта в контексте русской языковой картины мира рассматриваются в работах Н.Ш. Галлямовой (в лингвокультурологическом и функционально-прагматическом аспектах [17]) и В.В. Оглезнева (в рамках рассмотрения необходимых для успешной реализации акта обещания требований [44; 45]). Актуализация подобных

исследований закономерна: речевые акты представляют важную составляющую вербального взаимодействия.

Как мы подчёркивали выше, речевые акты представляют важную составляющую вербального взаимодействия. К числу таких важных составляющих относится и речевой акт обещания (комиссив).

Речевой акт (РА) обещания относится к группе промиссивов, понятие которых определяется через сочетание таких двух сем, как, во-первых, обязательное выполнение или невыполнение того, что говорящий обязуется исполнить; во-вторых, стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.

Речевые акты обещания представляют собой «класс речевых актов, обладающих иллокутивной целью принятия говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата или в качестве положительного ответа на его просьбу» [Реджепова, с. 286].

Семантика речевых актов обещания всегда содержит два основных компонента:

1) обязательство выполнить какое-либо действие в интересах адресата или по его просьбе (что означает принятие на себя обязательства за выполнение данного действия);

2) обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства (т. е. положительная бенефактивность для адресата) [26, с. 129].

При анализе прагматики речевых актов обещания мы, вслед за Е.Э. Былиной [12], выделяем два типа ситуаций обещания:

- 1) ситуация первого типа предполагает, что обещание является вспомогательным побудительным стимулом к чему-либо и его употребление сопровождается другими типами речевых актов;
- 2) в ситуации второго типа обещание выполняет функцию положительной ответной реакции на различные другие речевые акты (например: РА *просьбы, утверждения, сообщения, предостережения, угрозы* и т. д.).

Исследователи отмечают тот факт, что «в результате несоответствия семантической модели акта обещания зачастую возникают трудности в определении иллокутивного значения речевого акта. Следовательно, для того, чтобы правильно определить тип речевого акта, необходимо принимать во внимание экстралингвистические факторы, преимущественно контекст, с помощью которого представляется возможным определить принадлежность использованного в диалоге высказывания к актам обещания. Иллокутивное значение косвенного высказывания определяется путем анализа контекста, предыдущих реплик участников ситуации общения, а также пояснений автора, если они имеются» [52, с. 290].

Таким образом, речевой акт обещания является достаточно сложным и многоаспектным в плане своего функционирования в русской языковой картине мира, и для понимания специфики этого функционирования средства выражения данного речевого акта принципиально исследовать относительно их семантического и прагматического потенциала.

1.2.2. Речевой акт обещания как отражение ценностного аспекта русской языковой картины мира

Культура является целостным и единым организмом, она постоянно возвращается к своим истокам и вспоминает заранее вложенное воспоминание не отдельных лексем, а концептосфер языковых единиц. Еще Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [13, с. 68]. Согласно его учению, во внутренней форме языка отражается "индивидуальный характер" этноса, что и способствует различению внутренней формы языков разных народов. И человек в разные цивилизационные эпохи меняется: «он выглядит как проекция мироздания, объект сражения добрых и злых сил, в которых он не участвует, а является наблюдателем» [Там же]. Природа человека двойственна, поэтому он сам поддается культурной оппозиции сакральный/десакральный и эта черта постоянно меняется и колеблется: смысловая наполненность от архаического сакрального к профанно-десакральному пониманию приводит к противоречию. План выражений ценностных категорий меняется в зависимости от авторской установки, историко-культурной эпохи, что влечет за собой новый подход в лингвистических исследованиях, а именно антропоцентричный подход, где главным является языковая личность.

К числу культурных ценностей относят обычаи, нравы, стереотипы, нормы поведения, оценки и идеалы. Эти ценности являются базовой категорией при построении ценностной картины мира. Одним из существенных элементов ценностной картины мира являются также ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры. Речевой акт обещания является одной из существенных доминант русской языковой картины мира. Он реализуется как в контексте обещания,

так и в смежных его жанрах, например, в процессе произнесения клятвы, присяги и т.д.

Русская история всегда находилась в тесной взаимосвязи с великими культурами Востока и Запада, что стало следствием создания русской народной религии на основе самостоятельного выбора веры, ее форм проявления. Главное содержание русского средневекового язычества - обоготворение сил природы и всего мирского в сакрально-символической форме - отображало, по словам Д. Лихачева, природно-церемониальную сторону "хаотичного язычества" [24, с.4].

В «Славянских древностях» Н.И. Толстого в словарной статье к исследуемой лексеме знак равенства поставлена к лексеме «присяга». Это правовой обычай зафиксирован письменными источниками с IX века. Ритуал произнесения клятвы сопровождался рядом действий при свидетелях. Клятвенные формулы, по мнению этнолингвиста, разделялись на ряд типов в зависимости от смыслового компонента: божба обращена к Богу и другим персонажам божественного смысла. Клятвы произносились над Евангелием, иконами, крестом, над святыми мощами и др. сакральными артефактами. По всей вероятности, клятвенные формулы произносились и до принятия христианства на Руси и ритуальные действия очень похожи с языческими. Например, в договоре Руси с греками 944 г. говорилось о том, что некрещеные русичи клялись щитом и мечом, даже золотом, с произнесением имен славянских богов Перуна, Волоса. В "Повести временных лет" князь Олег клялся по русскому обычаю своим оружием и Перуном. В обыденной жизни чаще божились и говорили: "Убей меня сила Божья". Болгары, например, в послании папы Николая I болгарскому царю Борису клялись перед мечом, ритуал сопровождался и целованием топора. Несколько других разновидностей клятвы предполагали использование и сил природы: к солнцу, грому (даже сейчас бытует фразеологизм разрази меня гром), граду и др. [77, с. 513 - 514].

Е.В. Аничков в книге «Язычество и Древняя Русь» описывает ритуал клятвы при решении земельных споров: «Случается, когда хозяева двух смежных жатв, забыв граничную полосу, или просто с целью захвата чужого сенокоса спорят о пределе. Для спора выбирали в судьи Мать-Сырую Землю. Один из них выхватывал пригоршню земли с дерниной, клал на голову и шел по пределу – это была уже его земля» [3]. В XVI в. хождение с дерном на голове заменили иконным хождением. Но суть ритуала не поменялась [10, с.396 - 397].

До наших дней дошли устойчивые выражения, которые уже не выполняют функцию клятвы, а служат для убедительности в коммуникативной практике: *Чтоб мне с места не встать! Чтоб мне белого света не видеть! Чтобы мне не сойти с этого места! Да пускай руки отсохнут!* и др.

В русской языковой картине мира речевой акт обещания функционируют как один из самых распространённых. Ему принадлежит важная роль в создании коммуникативного взаимодействия.

Обещание связано с понятиями *чувства долга, чести, достоинства*. С одной стороны, особенностью русского менталитета является отношение к понятию «слово», «обещание», которые самым непосредственным образом связаны с понятием «честь», что, например, особенно ярко отражено в пословицах, поговорках и афоризмах, ср. [65]:

- *Честь чести и на слово верит.*
- *Лучше споткнуться ногою, нежели словом.*
- *Что сказано, то свято. Что сказано, то и сделано. Слово – олово (т.е. тяжело, веско).*
- *Слово лучше (крепче) печати.*
- *Кто в кони пошел, тот и воду вози. Взаяся за гуж, не говори, что не дюж.*

- *Не молвя, крепись, а молвя, держись!*

С другой стороны, обещание не является юридическим документом, следовательно, за его невыполнение не последует наказание, что также отражено в паремиологической картине мира. Ср.:

- *Обещанного три года ждут.*
- *От слова до дела – сто перегонов* и др.

В данных национально-культурных нюансах проявляется амбивалентность понятия «обещание» в русской языковой картине мира.

Таким образом:

1. Речевой акт (РА) обещания относится к группе промиссивов, понятие которых определяется через сочетание таких двух сем, как, во-первых, обязательное выполнение или невыполнение того, что говорящий обязуется исполнить; во-вторых, стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.

2. Речевые акты обещания представляют собой «класс речевых актов, обладающих иллокутивной целью принятия говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата или в качестве положительного ответа на его просьбу.

3. Семантика речевых актов обещания всегда содержит два основных компонента:

1) обязательство выполнить какое-либо действие в интересах адресата или по его просьбе (что означает принятие на себя обязательства за выполнение данного действия);

2) обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства (т. е. положительная бенефактивность для адресата) [26, с. 129].

4. Речевой акт обещания является достаточно сложным и многоаспектным в плане своего функционирования в русской языковой картине мира. Его семантико-прагматические особенности характеризуются тем, что в русской языковой картине мира выделяется два типа ситуаций обещания:

- ситуация первого типа предполагает, что обещание является вспомогательным побудительным стимулом к чему-либо и его употребление сопровождается другими типами речевых актов;
- в ситуации второго типа обещание выполняет функцию положительной ответной реакции на различные другие речевые акты (например: РА просьбы, утверждения, сообщения, предостережения, угрозы и т. д.).

5. Обещание связано с понятием чувства долга, чести, достоинства. Особенностью русского менталитета является отношение к понятию «слово», «обещание», которые самым непосредственным образом связаны с понятием «честь». Однако, с другой стороны, обещание – не является юридическим документом, поэтому его невыполнение не влечёт за собой наказания. В данных национально-культурных нюансах проявляется амбивалентность понятия обещание в русской языковой картине мира.

Таким образом, клятва как речевой акт представляет собой зафиксированное в языковом сознании представление о данном ритуальном действии, отличающемся от других в рамках русской христианской культуры. В связи с профанизацией многих сфер религиозной жизни человека в народном массовом сознании на первый план вышли формальные признаки (образно-перцептивные, коммуникативные) и нивелируются ценностные, произошло смешение семантики таких понятий, как клятва – бракосочетание, договор, зарок, заверение, обещание, обет, обязательство, порука, поручительство, присяга, инаугурация и др.

Выводы по Главе I

В первой главе, посвящённой рассмотрению теоретических основ исследования речевого акта «обещание» как фрагмента языковой картины мира, были рассмотрены подходы к определению понятия «речевой акт», проанализированы и обобщены существующие классификации речевых актов, рассмотрены лингвистические аспекты исследования речевых актов, описаны средства реализации речевых актов, речевой акт «обещание» рассмотрен в контексте пространства комиссивных речевых актов и в рамках ценностного аспекта русской языковой картины мира.

В результате данной части работы были сделаны следующие **выводы**:

1. Речевой акт (РА) обещания относится к группе комиссивов, понятие которых определяется через сочетание таких двух сем, как, во-первых, обязательное выполнение или невыполнение того, что говорящий обязуется исполнить; во-вторых, стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.
2. Речевые акты обещания представляют собой «класс речевых актов, обладающих иллокутивной целью принятия говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата или в качестве положительного ответа на его просьбу.
3. Семантика речевых актов обещания всегда содержит два основных компонента:
  - 1) обязательство выполнить какое-либо действие в интересах адресата или по его просьбе (что означает принятие на себя обязательства за выполнение данного действия);
  - 2) обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства (т. е. положительная бенефактивность для адресата).
4. Речевой акт обещания является достаточно сложным и многоаспектным в плане своего функционирования в русской

языковой картине мира. Его семантико-прагматические особенности характеризуются тем, что в русской языковой картине мира выделяется два типа ситуаций обещания:

- ситуация первого типа предполагает, что обещание является вспомогательным побудительным стимулом к чему-либо и его употребление сопровождается другими типами речевых актов;
- в ситуации второго типа обещание выполняет функцию положительной ответной реакции на различные другие речевые акты (например: РА просьбы, утверждения, сообщения, предостережения, угрозы и т. д.).

5. *Обещание* связано с понятием чувства *долга, чести, достоинства*. Особенностью русского менталитета является отношение к понятию «слово», «обещание», которые самым непосредственным образом связаны с понятием «честь». Однако, с другой стороны, обещание – не является юридическим документом, поэтому его невыполнение не влечёт за собой наказания. В данных национально-культурных нюансах проявляется амбивалентность понятия обещание в русской языковой картине мира.

6. С понятием «обещание» тесно связано понятие «клятва». Клятва как речевой акт представляет собой зафиксированное в языковом сознании представление о данном ритуальном действии, отличающемся от других в рамках русской христианской культуры. В связи с профанизацией многих сфер религиозной жизни человека в народном массовом сознании на первый план вышли формальные признаки (образно-перцептивные, коммуникативные) и нивелируются ценностные, произошло смешение семантики таких понятий, как клятва – бракосочетание, договор, зарок, заверение, обещание, обет, обязательство, порука, поручительство, присяга, инаугурация и др.

Глава II. Семантико-прагматический аспект речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира

2.1. Объём и содержание понятия «обещание» в русской языковой картине мира

2.1.1. Понятие «обещание» по данным лексикографических источников

Понятие «обещание» имеет очень широкое значение. Для того чтобы разобраться с данным понятием и полностью разграничить его с похожими понятиями, обратимся к различным толковым словарям.

В МАС понятие «обещание» имеет следующее значение: добровольное обязательство выполнить что-л. Исполнить обещание. Например: [Гости] *расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.* (Пушкин, Дубровский). [Грушенька] *взяла с него обещание прийти за нею в двенадцатом часу, чтобы проводить ее обратно домой.* (Достоевский, Братья Карамазовы).

Обращаясь к большому толковому словарю С.А. Кузнецова, мы видим следующее определение: добровольное обязательство выполнить что-л. Дать о. Выполнить, исполнить о. Взять с кого-л. о. Раз в год по обещанию (шутл.; очень редко). Кормить обещаниями. Разг. Давая обещания, не выполнять их.

С.И. Ожегов в своём толковом словаре даёт такое объяснение слова обещания: добровольное обязательство сделать что-н. Выполнить о. Нарушить о. Дать торжественное о. Взять о. с кого-н. Раз в год по обещанию (очень редко; разг. шутл.). Кормить обещаниями (давать безответственные обещания; разг.).

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой мы наблюдаем следующее значение: данное кому-либо добровольное обязательство сделать, выполнить что-либо.

Обратившись к «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка», в детальной статье Ю. Д. Апресяна и М. Я. Гловинской мы находим следующие глаголы, обозначающие интересующий нас комиссив: *обещать, давать (честное) слово, сулить, клясться, обязываться*. Авторы отмечают, что все эти глаголы ориентированы в будущее (в отличие от слов *ручаться* и *гарантировать*), предполагают передачу адресату слова, которое рассматривается как залог того, что сказанное будет обязательно выполнено, и допускают перформативное употребление. Устанавливаются тонкие смысловые различия между этими словами:

- 1) по содержанию обещания и трудности его выполнения;
- 2) по важности для участников ситуации обещанных действий;
- 3) по обязательности выполнения обещанного;
- 4) по характеристике «залога» выполнения обещания;
- 5) по возможным следствиям невыполнения обещания;
- 6) по ожиданиям адресата относительно действий субъекта;
- 7) по цели или мотивировке речевого акта;
- 8) по форме осуществления речевого акта;
- 9) по наличию возможных свидетелей;
- 10) по оценке обещания говорящим [31, с. 236–241].

В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова: данное кому-н. добровольное обязательство что-н. выполнить. Давать обещание. Сдерживать обещание. Нарушить обещание. *«Мне не нужно клятвы», сказала Лиза: «довольно одного твоего обещания».* (А.С. Пушкин).

Анализ дефиниций, представленных в толковых словарях, позволил сделать следующие обобщения:

- 1) Обещание – это обязательство.
- 2) Обещание – это обязательно добровольное обязательство.

3) Очень часто с понятием «обещание» встречается глагол «выполнить».

Таким образом, обещание – это добровольное обязательство, которое в любом случае нужно выполнить, несмотря ни на что.

Далее обратимся к словарям синонимов. Ср.: Обещание: зарок, обет, обязательство, посул, слово; угроза. Ср. клятва. давать обещание.

В «Словаре русских синонимов»: *Обещание: заверение, обязательство, зарок, слово, обет, посул, угроза, клятва; подписка, присяга, обнадеживание, расписка, носовожденье, посулы, обетование.*

Ср. также «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой: Обещание: *обязательство, слово; обет (высок.); посулы (устар. и прост.). см. также клятва.*

Проанализировав словари синонимов, можно заметить, что в основном встречаются слова *зарок, обязательство, слово, обет, посул*. Также очень часто понятие «обещание» сравнивают с понятием «клятва», которое имеет отличительные признаки: если обещание не является клятвой, то в клятве присутствует сема «обещание».

Проанализировав словарь эпитетов, мы получили следующие данные о феномене «обещание»: Обещание: *безответственное, высокопарное, громогласное (устар.), громкое, клятвенное, легкомысленное, напыщенное, незыблемое, нерушимое, половинчатое, пустое, пышное, святое, священное, суесловное, твердое, торжественное, торопливое, широковещательное.*

Ср. также: Обещание: *безответственное, высокопарное, громогласное (устар.), громкое, клятвенное, легкомысленное, напыщенное, незыблемое, нерушимое, половинчатое, пустое, пышное, святое, священное, суесловное, твердое, торжественное, торопливое, трескучее, широковещательное, бумажное.*

Здесь можно отметить, что не всегда понятие «обещание» несёт положительную окраску. Мы знаем, что обещание – это обязательство, которое нужно выполнить, но ведь бывают случаи, когда данное обещание не выполняется. Поэтому для выполненных обещаний используются следующие эпитеты: *клятвенное, незыблемое, нерушимое, святое, священное, твёрдое, торжественное*. Здесь мы наблюдаем положительную оценку.

Для обещаний с отрицательной оценкой используются следующие эпитеты: *безответственное, легкомысленное, высокопарное, напыщенное, пустое, суесловное, торопливое*. Данные эпитеты для понятия «обещание» дают нам понять, что, скорее всего, такие обещания не будут выполнены или будут выполнены спустя очень долгое время.

Бывают обещания, к которым подбираются эпитеты с нейтральной или неоднозначной оценкой. Например: *громогласное, громкое, половинчатое, пышное, широковещательное*.

Сочетаемостьные возможности лексемы «обещание» и её синонимов достаточно обширны. В «Словаре глагольной сочетаемости непредметных имён русского языка», созданного на основе Национального корпуса русского языка, мы обнаружили следующие примеры: Большую роль в понятии «обещание» играют глаголы. В «Словаре глагольной сочетаемости непредметных имён русского языка», созданного на основе Национального корпуса русского языка, мы обнаружили следующие примеры:

- *выполнить обещание* (реализация)
- *дать обещание* (действие)
- *исполнить обещание* (реализация)
- *сдержат обещание* (реализация)
- *гарантировать качество* (модальность, обещание)
- *гарантировать нормальную работу* (модальность, обещание)

- *гарантируется судебная защита* • *пассив на -ся* (модальность, обещание)
- *обещать свободу* (модальность, обещание)
- *предлагать помощь* (модальность, обещание)
- *судьба сулит* (субъект, модальность, обещание)

Для того чтобы обещание было исполнено, нужно сначала выполнить действие, то есть дать само обещание, а потом реализовать это обещание. Не всегда обещание даётся при помощи слова «обещаю». Его можно заменить на синонимы «гарантирую», «предлагаю».

Таким образом:

1. Понятие «обещание» имеет очень широкое значение. Семантика речевого акта обещания всегда содержит два основных компонента:
  - 1) обязательство выполнить какое-либо действие в интересах адресата или по его просьбе (что означает принятие на себя обязательства за выполнение данного действия);
  - 2) обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства.
2. В реализации речевого акта «обещание» участвуют различные языковые средства (всего нами было выявлено 87 языковых единиц) – глаголы, фразеологизмы, просторечные конструкции. Основным средством реализации речевого акта обещания служат:
  - а) лексические единицы *обещать, давать слово, давать обязательство, присягать, гарантировать, ручаться*, которые употребляются в разных стилях речи – и в официально-деловом, и в разговорном и др.;
  - б) глаголы *клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться*, характерные для разговорной речи.

2.1.2. Репрезентация обещания/клятвы в паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка

Речевые акты, как и другие объекты действительности, подвергаются концептуализации и представляются в языковом сознании как совокупности накопленных о них (т.е. речевых актах) знаний в процессе исторического развития того или иного этнокультурного сообщества. Это означает, что речевой акт может быть рассмотрен как культурный концепт – «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны». Концептуальную составляющую возможно обнаружить благодаря паремиологическому и фразеологическому фонду языка. В паремиях, например, обнаруживается специфика познавательного опыта этноса, особенности объективации действительности. Человек осваивает действительность на основе образов, которые присущи паремиям, и в них же выражает свою оценку. Пословицы и поговорки обеспечивают бережное сохранение культурных и языковых традиций. Народный фольклор имеет зачастую морально-дидактическую направленность и оценочный характер.

В данной работе используются следующие источники материала: «Пословицы и поговорки русского языка» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Сборник пословиц русского языка» В. Танчука, «Русские народные поговорки, пословицы, загадки и детский фольклор» В.П. Аникина, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь» В.И. Зими́на.

Рассмотрим паремии с лингвомаркером "клятва". *Где клятва, тут и преступление* [40, с. 87]. Речь идёт о клятвопреступлении или клятвонарушении. В Правиле 64 Василия Великого, внесенного в «Правилах Святых отцов Православной Церкви» говорится: «*Грех клятвопреступления приравнивается к греху богохульства*». Церковный писатель и богослов IV в.

Василий Великий говорил, что клятва и вообще возбранена, причем ссылается на Священное Писание о нравственном совершенстве всякого христианина, долженствующего быть настолько правдивым и хорошим, чтобы ему каждый мог верить, когда он скажет: да или нет". В славянской Кормчей содержится определение византийского законодательства против клятвопреступника, а именно: "да урежут ему язык" [37]. Клятвопреступник десять лет да не приобщается: два лета находясь между плачущими, три между слушающими писания, четыре между припадающими, едино стоя с верными, и тогда сподобится причастия.

Ряд пословиц, сохранивших негативную коннотацию и зафиксированных в различных фразеологических и паремиологических словарях, сохраняют закрытую форму и не предполагают продолжения: *Дармовая клятва хозяина найдёт; Клятва не во время есть велико бремя: меньше обещаешь - меньше согрешаешь; Клятва страшна, а глупому смешна; Клятва умному страшна, а глупому смешна; Невольная (нуженая) клятва отпускается; Нуженая клятва отпускается* [87, с. 15 - 17].

Наиболее опасным проклятием считается родительское. Приведём пример паремий, отображающих важность родительского благословения и вступающих в дихотомию языковых единиц "родительское благословение" - "родительское проклятие": *Отцовская клятва сушит, а материна коренит* (ДП 1, 302); *Отча клятва сына потребит, а матерня искоренит* (Сирот 1985, 112); *Отчя клятва изсушит, а матерня искоренит* (СлРЯ XI-XVII вв. 6, 313). Паремия *Отбравший клятву и отпускает её* (ДП 2, 193; Тан. 1986, 116) употребляется в значении "кому клялся, тот и прощает" [27, с.16].

Святой Паисий Святгорец говорил о родительском проклятии так: "Проклятие, даже (просто) негодование родителей действуют очень сильно. И даже, если родители не проклинали своих детей, а просто пришли из-за них в возмущение, то у детей нет потом ни одного светлого дня в их жизни: вся их жизнь одно сплошное мучение. Потом такие дети очень страдают всю

земную жизнь. Величайшим сокровищем на земле для людей является родительское благословение" [32].

Таким образом, с приходом христианства на русскую землю происходит изменение ментальных структур, а языковая единица клятва приобретает новое прочтение – духовный ритуал верности, а именно – потребность русского человека в благоугодном поведении – в самопожертвовании, в разумном общинном или индивидуальном служении единственному Богу.

Анализ паремий позволяет подразделить их на две группы в зависимости от характера отношения носителей русскоязычного обыденного сознания к речевому акту «клятва» как единице обыденной коммуникации. Так, одну группу составляют паремии, выражающие недоверие носителей русскоязычного обыденного сознания к изучаемому речевому акту, который, как известно, и ориентирован адресантом на установление доверия со стороны слушателя / слушателей [16]. О недоверии людей к клятве свидетельствуют следующие изречения: *Кто без дела божится, на того нельзя положиться; Поневоле старуха клянется, коли врет* [7, с. 399]; *Кто много врет, тот много и божится; Ирод клянется, Иуда лобзает, да им веры неймут!* [4, с. 653]; *Божбою прав не будешь; Уж он в десятые зарекается, не верь ему!* [5, т. 1, с. 107, 628].

Вторую группу составляют паремии, в которых клятва рассматривается как речевое действие, нарушающее нормы социального взаимодействия, и определяется как грех. Само слово *грех* и производный от него глагол *согрешить*, а также наречие *грешно* употребляются в этой семантической группе многократно. Это свидетельствует о том, что клятва, согласно представлениям русских, в обыденной коммуникации рассматривается как грех: *Горе клянущемуся, а вдвое на грех (на клятву) ведущему; В напрасне побожиться – черта лизнуть* [4, с. 654]; *Божиться грешно, да без греха*

жить не можно; Добожился до греха [5, т. 1, с. 107]; Где клятва, там и преступление [7, с. 399].

Отношение русского человека к клятве, как и в целом сознание русскоязычных людей, формировалось под влиянием христианства. Не рекомендуется прибегать к ней в обыденной коммуникации, в быту. В Евангелии от Матфея мы встречаем высказывание о том, что Бог отрицает клятву всуе: *«А Я говорю вам, говорит Господь: не клянись вовсе ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не сможешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: “да, да”; “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого» [3, Мат. 5: 34, 35, 36, 37].* Клятва вызывает страх у представителей русской лингвокультуры перед Божьей карой за нарушение завета, что находит свое выражение в пословицах и поговорках: *Клятва умному страшна, а глупому смешна [7, с. 400]; Что обет, что зарок опасны; Неведомый обет главу Предтечи на блюдо сложишь; Как взбожится, страшно слушать стало [5, т. 2, с. 640; т. 1, с. 107].*

Рассмотрение клятвы как греха вполне закономерно обуславливает речеповеденческую ценностно-нормативную установку «Не клянись», которая предостерегает от клятвы в обыденной коммуникации. В русских пословицах и поговорках встречаются следующие примеры: *Не божись, кровь носом пойдет; Не божись: и без божбы грехов за плечами в кошель не снесешь; Не божись, в долг поверю; Не клянись, матка, не рожать дитятка, родишь поневоле [4, с. 653, 655]; Не божись, и без божбы никто не поверит [5, т. 1, с. 107].*

Во второй семантической группе, выражающей ценностное освоение в русской этнокультуре концепта «клятва», говорится также о том, что клятва по принуждению либо не грех, либо грех отпускаемый. В эту группу вошли следующие паремии: *Невольная (нуженая) клятва отпускается; Нуженая*

присяга – не наш грех; Нужного Бог прощает [4, с. 655]. Народная мудрость зафиксировала, что нарушение клятвы, которая была дана по принуждению, не предполагает санкций со стороны высших сил, т.е. Бога, не является грехом.

Итак, речевой акт «клятва» как единица обыденной коммуникации вызывает у носителей русскоязычного обыденного сознания недоверие и рассматривается ими как грех, порождающий страх перед Божьей карой за нарушение завета. При этом вынужденная клятва либо грехом не считается, либо определяется как грех отпускаемый. Исследователи подчёркивают, что перечисленные «характеристики отношения носителей русскоязычного обыденного сознания к изучаемому речевому акту как единице обыденной коммуникации» определяют «содержание ценностной составляющей клятвы как культурного концепта».

2.2. Семантико-прагматические характеристики языковых средств выражения речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира

В русской языковой картине мира очевидно функционирование четырёх базовых типов обещаний: обиходные, ритуальные, институциональные и гарантийные. Важнейшим признаком обиходного обещания является соотношение между данным словом и его выполнением, в ритуальном комиссиве (его прототип – клятва) на первый план выступает сакрализация данного поступка, усиленная сопровождающими этот акт символическими действиями, в институциональном обещании акцентируется статус говорящего, в гарантийном комиссиве, используемом прежде всего в юридическом дискурсе, в центре внимания оказываются санкции за невыполнение взятых на себя обязательств. Комиссивы детально осмыслены в пословицах и афоризмах. Выделяются два основных вида предписаний

применительно к обещаниям – для тех, кто обещает, и для тех, кому обещают. Первые требуют ответственно относиться к себе и окружающим, вторые рекомендуют трезво оценивать поведение тех, кто легко дает обещания.

Ниже приведены результаты анализа семантико-прагматических особенностей анализируемого речевого акта, реализуемого посредством глаголов и

2.2.1. Семантико-прагматические характеристики глаголов, выражающих речевой акт обещания в РЯКМ

Функционально-прагматический аспект того или иного речевого акта есть описание тех условий и правил (внеязыковых установлений), выполнение которых обуславливает успешность реализации и функционирования данного речевого акта в реальном речевом общении.

При анализе мы пользовались параметрами, которые используются в практике лингвистических описаний: 12 лингвистически значимых параметров, предложенных Дж.Р. Серлем для различения иллокутивных актов, «условия успешности» [43], «анкета» речевого жанра Т.В. Шмелёвой [60]), а также собственные наблюдения.

Выделяют родовые коммуникативные смыслы, являющиеся общими для всех интенций реализации данного речевого акта, и видовые, индивидуальные коммуникативные смыслы, присущие отдельным вариантам указанного речевого акта. Рассмотрим те и другие.

Родовой набор коммуникативных смыслов (условия успешности):

– говорящий (X), осуществляя определенное речевое действие, берет на себя обязательство перед слушающим (У) или перед самим собой совершить нечто (Р);

– пропозициональное содержание таких высказываний состоит в том, что говорящий (X) совершит некоторое будущее действие (Р) (сделает так, чтобы мир соответствовал словам);

– психологические состояния (условия искренности), выражаемые говорящим, заключаются в том, что говорящий собирается осуществить некоторое действие (Р);

– предварительные и существенные условия, необходимые для осуществления речевого акта «обещание, клятва», следующие: а) X в состоянии совершить Р; б) X считает Р полезным для У или для себя; в) X и У считают, что Р не относится к числу событий, которые произойдут сами собой.

Мотивом интенции X может быть: а) желание, просьба, требование У; б) затруднительная для У или для У и X одновременно ситуация, изменение которой предполагает участие X или У или их обоих одновременно; в) долг X перед У (X считает себя должным перед У или имеет с ним определенную договоренность).

«Обещание, клятва» – конвенциональный речевой акт. Конвенциональные установления (правила, законы, принципы, норм и т.п.), или социумная пресуппозиция данного речевого акта, включает следующие моменты:

1. Если X что-то обещает У, то между ними должна присутствовать хотя бы некоторая степень знакомства (мы не можем обещать что-либо и тем более клясться в чем-либо совершенно незнакомому человеку).

2. Давая слово, говорящий берет на себя определенные обязательства перед адресатом по выполнению предполагаемого действия. Эти обязательства накладывают на говорящего определенную меру ответственности: в случае невыполнения обещания адресат имеет право принимать соответствующие меры: наказывать, стыдить, осуждать, предавать огласке неблаговидный поступок (нарушение слова) говорящего и т.п. Это право обусловлено не юридическими законами, а социальными – этикой.

3. Говорящий, в случае невыполнения обещания, может лишиться доверия, которым он пользуется у адресата, и не только у него, но и у окружающих. Это то, что в терминах примитивов сформулировано А. Вежбицкой следующим образом: *«Я знаю, что, если я не сделаю Р, люди не будут верить, когда я буду говорить, что сделаю что-то»* (цит. по: [21, с. 177]). Мы бы добавили: и будут осуждать или презирать меня за это.

Перечисленные смыслы относятся к тем общим знаниям, входящим в когнитивную базу говорящих, без которых невозможно успешное осуществление данного коммуникативного акта.

Если же продолжить анализ речевых интенций ИСГ «обещание, клятва» с точки зрения других параметров, то уже будут заметны отличительные признаки, т.е. последующий анализ позволит выявить набор частных, видовых коммуникативных смыслов, характерных или для отдельных подгрупп в реализации РА обещания, или для отдельных интенций данного акта.

Видовой набор коммуникативных смыслов:

1. Фактор адресанта и адресата. Рассматривая интенции ИСГ «обещание, клятва» с точки зрения говорящего и слушающего (см. пятый параметр Дж.Р. Серля или образ автора и адресата по Т. Шмелёвой), мы выявили следующие особенности. Ситуация реализации речевого акта

«обещание, клятва» в основном предполагает два обязательных члена: адресанта и адресата. При этом направленность речевого акта может быть различной.

Есть интенции, которые могут обозначать акт, где адресант и адресат – разные лица, так и акт, где адресант и адресат – одно и то же лицо – говорящий, т.е. *поклониться, пообещать* и *дать слово* можно и другому и самому себе. К таким двунаправленным речевым актам относятся интенции *обещать, дать (давать) обещание, клясться, дать (давать) клятву, дать (давать) слово, обязаться, клятвенно обещать* и некоторые другие. Как правило, когда данные интенции направлены на самого адресанта, они сопровождаются конкретизаторами: *поклонился в душе, дал обещание самому себе, поклонился перед самим собой, пообещал самому себе* и пр.: *В его душе будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и он хотя и дал, наконец, после мучительных колебаний, согласие жениться на «скверной женщине», но сам поклонился в душе горько отомстить ей за это...* (Ф.М. Достоевский «Идиот»); *Он не пьет – сам себе дал обет, ни во что не играет, с детьми гуляет няня...* (Рада Полищук «Портреты» // Вестник США. 2003. 12 окт.).

К интенциям, где и автор и адресат только одно лицо – автор, относятся интенции *закаяться, заречься* – «дать себе слово, зарок не делать чего-либо впредь»: *Помилуйте, я, говорит, теперь закаялся: капли в рот не беру* (Слепцов «Трудное время»); *И я себе дал зарок, что, если в течение года не найду смысла жизни, я покончу жизнь самоубийством, потому что я не согласен жить для бессмысленного, бесцельного счастья* (митрополит Антоний (Блум) «Без записок»).

И, наконец, к интенциям, где автор и адресат только разные лица, и коммуникативный акт направлен только на адресата, относятся интенции *сулить, посулить, побожиться, божиться, присяга, присягать, обет, дать обет, поручительство, поручиться, гарантия, гарантировать, дать гарантию, заверять*. Ср.: – *Припомню, как сулила, обещала любить меня и*

быть моей женой. (А.Н. Островский «Кузьма Захарьич Минин-Сухорук»);
Заверяю тебя, поминки справлю на высшем уровне, стол порадует твоих подружек (Дарья Донцова «Микстура от косоглазия»).

Кроме рассмотренных в данной ИСГ, есть интенции, в которых направленность интенциональной силы «круговая», одновременная: когда каждый участник коммуникативной ситуации выступает одновременно и в качестве адресанта и в качестве адресата. Это такие интенции, как *заключатъ/подписыватъ договор, контракт, соглашение, сделку, перемирие, договоритъся, сговоритъся, условитъся, ударитъ(ударятъ)/битъ по рукам, сговор 2, сговоритъся 1, заключатъ сговор 2, заключатъ/подписыватъ мир, заключатъ/держатъ пари.* Общий интенциональный смысл данных интенций – «взаимное обещание (обязательства) сторон по отношению к чему-либо»: *В общем, давай таким макаром: ты сообщаешь мне про эту важную особу, я тебе – про красный зонтик. По рукам?* (Леонид Юзефович «Дом свиданий»).

Если рассматривать интенции данной ИСГ с точки зрения активности участников данного коммуникативного акта, то доминирующая роль в них принадлежит говорящему субъекту – адресанту. Несмотря на обязательное присутствие адресата, речевое действие замыкается на говорящем, так как интенции данной ИСГ реализуются, как правило (за исключением последней группы), самим обещающим. Адресат – ты – пассивен, он не участвует в осуществлении данного речевого действия, а обозначает только его пределы. Перлокутивный эффект таких актов не является обязательным и отсрочен во времени, т.е. осуществление намерения говорящего возможно вне речевого акта, по его завершении в каком-либо обозримом будущем. Поэтому говорят об аутореферентности и самоверифицируемости данных речевых актов.

2. Статус говорящего и адресата. Очень важным как с прагматической, так и с лингвистической точек зрения является анализ интенций с точки зрения статусов говорящего и слушающего. Выбор формальных языковых

способов выражения обещания (прежде всего выбор перформативного глагола как показателя иллокутивной силы высказывания) диктуется совокупностью факторов социолингвистического характера: распределением коммуникативных и социальных ролей; характером отношений – официальные/неофициальные; ситуацией общения и др.

При несимметричных отношениях возможны не все речевые акты, мотивированные интенциями анализируемой ИСГ. Эти ограничения соблюдаются, в первую очередь, при официальных отношениях. Официальность обстановки общения характеризуется тем, что обязательным компонентом коммуникативной ситуации является должностное лицо, позиционно занимающее приоритетную позицию. Эта позиция не позволяет говорящему, например, *божиться, клясться, давать зарок, давать обет, сулить, заключать пари, зарекаться*: *Начальник побожился перед сотрудниками...* Это не логическая и не языковая аномальность, это, в терминологии Л.П. Крысина [40], пресуппозитивная неправильность, когда происходит нарушение, отклонение от норм. Могут быть и исключения, например, если говорящий и слушающий – приятели, то вне рабочей обстановки, при «возврате» к приятельским отношениям, степень речевой свободы может возрасть. При симметричных отношениях, когда роли обоих участников ситуации равны, возможно использование всех речевых интенций ИСГ «обещание, клятва». Функционирование их регулируется лишь официальным/неофициальным регистром общения.

3. Внеязыковые установления. С социальным аспектом коммуникации связан и десятый параметр Дж.Р. Серля – анализ речевых актов с точки зрения учета внеязыковых установлений: требуются ли для успешного осуществления речевых актов, мотивированных интенциями анализируемого РА, какие-либо специальные внеязыковые установления. Анализ интенций РА «обещание, клятва» с точки зрения данного параметра показал, что для большей части интенций никаких специальных внеязыковых установлений

не требуется. *Обещать, клясться, зарекаться, давать слово* можно в любых условиях, в любой обстановке, и делать это не возбраняется никому. Такие же интенции, как *присягать, давать присягу, давать обет, заключать контракт, заключать договор, держать, заключать пари* и т.п. – мотивируют речевые акты, реализация которых обеспечивается определенным соотношением речевых и неречевых действий. Это так называемые институализованные ритуальные речевые акты: речевое действие признается успешным только тогда, когда выполняется ряд необходимых обстоятельств и действий. Так, давать присягу можно только при наличии у говорящего и адресата специальных полномочий, осуществляться данный речевой акт должен в особом месте и в особых условиях (ср., например, процедуру воинской присяги, обряд обета безбрачия у священников-католиков; Библия или Евангелие при присяге, которую дают свидетели на суде и др.). Пари чаще всего заключается в присутствии третьих лиц, которые выступают в роли свидетелей, оно же (третье лицо) «разбивает» руки заключающих пари, т.е. производятся обязательные, ритуализованные неречевые действия.

4. Степень ответственности. Не все речевые интенции РА «обещание, клятва» равнозначны с этой точки зрения. Например, такие интенции, как *клясться, божиться, присягать, давать/брать обязательство, давать обет, гарантировать, ручаться, заключать/подписывать договор, заключать/подписывать контракт, заключать пари* предполагают большую долю ответственности говорящего. Так, нарушение присяги (дезертирство, предательство Родины, нарушение присяги при даче показаний в суде и т.п.) преследуется законом, влечет за собой определенное наказание; нарушение обязательств, договора, контракта, поручительства может повлечь за собой судебное разбирательство; нарушение клятвы, обета предполагает наказание со стороны высшей силы.

Интенции же *обещать, давать обещание, давать слово, сулить, заверять предполагают* только морально-этическую ответственность говорящего. Однако нельзя сказать, что последние интенции абсолютно равнозначны с точки зрения данного параметра. Наиболее «легковесной» с этих позиций представляется интенция *сулить, посулить*, не предполагающая, по мнению адресата, серьезного намерения со стороны говорящего сделать обещанное. Адресат испытывает недоверие к словам говорящего: *Произнес, как водится, на АвтоВАЗе несколько речей, посулил автомобилестроителям «хорошую жизнь, если все будем хорошо трудиться»* (Борис Грищенко «Посторонний в Кремле»); *Он посулил им очень большие оклады, роскошную квартиру, кремлевские льготы...* (Артем Тарасов «Миллионер»). Сема легковесности, несерьезности намерения адресанта интенции сулить подтверждается данными, полученными при анализе русских пословиц и поговорок: *Посулы примать – не устать ждать. Посуленное ждетя. Посуленное данному не ближняя родня. На посуле, что на стуле: посидишь, да и встанешь* и т.п.

Обещание же связано с понятием чувства долга, чести, достоинства. Особенность русского менталитета по отношению к понятию «слово», «обещание», самым непосредственным образом связанного с понятием «честь», хорошо продемонстрирована Н. Михалковым в его фильме «Сибирский цирюльник»: *«Здесь могут убить, обмануть, ограбить, но порою данное кем-то слово может цениться дороже бумаги с сургучной печатью, а неосторожно сказанное – привести к кровопролитию...»*.

Особенно четко эта идея отражена в пословицах, поговорках и афоризмах, например [Даль, «Пословицы русского народа»]: *Честь чести и на слово верит. Лучшие споткнуться ногою, нежели словом. Что сказано, то свято. Что сказано, то и сделано. Слово – олово (т.е. тяжело, веско). Слово лучше (крепче) печати. Кто в кони пошел, тот и воду вози. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Не молвя, крепись, а молвя, держись!* Однако, с другой

стороны, обещание – не юридический документ: за невыполнение его голову не снесут, например, *Обещанного три года ждут. От слова до дела – сто перегонов* и др.

5. Степень самостоятельности высказывания (соотнесенность с остальной частью дискурса). Речевые акты, обусловленные иллокутивными смыслами интенций ИСГ «обещание, клятва», как правило, иллокутивно зависимые речевые акты, т.е. акты, иллокутивное назначение которых всецело определяется либо иллокутивным назначением предшествующей реплики, либо предшествующей коммуникативной ситуацией. Чаще всего пропозиция высказывания вводится союзом **что**: – *Вы не оставите меня, генерал, не уйдете? – Я даю вам слово, что он придет к вам сам, но теперь он нуждается в отдыхе* (Ф.М. Достоевский «Идиот»); – *Даю вам честное слово, что мы не будем делать ничего, окунемся в безделье, которое для Вас так здорово* (А.П. Чехов / Переписка А.П. Чехова // А.Н. Плещееву).

Таким образом, соотнесение высказывания, содержащего интенцию ИСГ «обещание, клятва», с остальной частью дискурса (седьмой параметр Дж.Р. Серля) – необходимое условие для всех интенций ИСГ «обещание, клятва».

6. Невербальная характеристика. Что касается девятого параметра (осуществление речевых актов речевыми или неречевыми средствами), интенции ИСГ «обещание, клятва» не могут быть выражены неречевыми средствами, хотя некоторые из них в качестве обязательного компонента содержат невербальные средства. Так, интенции **целовать крест, божиться** обязательно сопровождаются соответствующими неречевыми действиями, интенция заключать пари сопровождается разбиванием рук спорящих, такие конвенциональные речевые акты, как **давать присягу, давать обет, заключать договор, контракт**, требуют, как уже было отмечено, определенной конвенциональной процедуры, включающей в себя кроме

произнесения определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах определенные ритуализованные неречевые действия.

7. Устная/письменная сферы употребления. Большинство интенций рассматриваемого РА могут реализовываться и в устной и в письменной речи. Такие же интенции, как заключать договор, контракт, соглашение функционируют в основном в письменной сфере общения. Причем, если интенция заключать договор, соглашение, перемирие все же допускает устное употребление, например: мы заключили устный договор (устное соглашение), то интенция заключать контракт реализуется только в письменной форме.

8. Степень интенсивности. Высказывания, преследующие одну и ту же иллокутивную цель и имеющие одинаковое пропозициональное содержание, могут различаться лишь стилем или энергичностью, силой, с которой эта иллокутивная цель подается (данный вопрос Дж.Р. Серль рассматривает в четвертом и двенадцатом параметре). Например: *Я обещаю сделать это, Я торжественно клянусь сделать это и Вот те крест – сделаю!* При этом если речевой акт **обещания** имеет нейтральную стилистическую окрашенность, то речевой акт **клятвы** – экспрессивную стилистическую окрашенность: *И та, что сегодня прощается с милым, – / Пусть боль свою в силу она переплавит. / Мы детям клянемся, клянемся могилам, / Что нас покориться никто не заставит!* (А. Ахматова «Клятва»).

Такие речевые акты, как **обещать, давать слово, давать обязательство, присягать, гарантировать, ручаться** употребляются как в официально-деловой, так и в разговорной речи, а речевые акты **клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться** – в разговорной речи.

Особое место с точки зрения набора прагматических смыслов занимает в анализируемой интенции *клясться, божиться, целовать крест*. Названные интенции включают в себя как минимум две коммуникативные ситуации:

1. Усиленное, торжественное обещание в условиях, когда X не верит У, или когда X трудно поверить, что Р: Катенька, я тебе обещаю, Христом-Богом клянусь, заброшу все дела и все сделаю, чтобы ты наконец счастливо вышла замуж (Александр Савельев «Аркан для букмекера»).

2. Торжественное уверение X в истинности сообщаемой У информации: Он взял крест. – Клянусь на кресте! Я тебя любил (Эдвард Радзинский «Княжна Тараканова»).

Общим для этих двух ситуаций является то, что говорящий как бы берет в свидетели некую высшую силу, которая, в случае невыполнения обещания, клятвы, может покарать говорящего. Первое значение оставляет данную интенцию в РА «обещание, клятва», второе значение обосновывает включение данной интенции в РА «убеждать, уверять».

Итак, нами был осуществлен прагматический анализ интенций «обещание, клятва», позволивший рассмотреть наиболее тонкие отличия, определяющие прагматические варианты рассматриваемых интенций.

2.2.2. Национально-культурная специфика речевого акта обещание в русской языковой картине мира

Значение речевого акта обещания связано, прежде всего, с обязательствами, которые берёт на себя тот или иной человек. Безусловно, средствами реализации данных речевых актов являются глаголы *клясться, обещать, гарантировать* и другие, объединённые значением «взять на себя обязательство сделать что-либо», что было описано в предыдущем параграфе. Однако в контексте выявления национально-культурной

составляющей семантико-прагматического аспекта анализируемого речевого акта хотелось бы обратить внимание на общеизвестные жанры, в рамках которых реализуется актуализируемый речевой акт и которые носят концептуальный характер. К таким жанрам относится «Клятва Гиппократ», являющаяся ценностным феноменом медицинской картины мира. Её мы сопоставили с текстом «Клятвы российского врача». Второй из рассматриваемых нами жанров – «Воинская присяга» – ценностный феномен военной картины мира. Средства выражения присяги мы проанализировали в диахроническом аспекте.

Приведём результаты нашего исследования.

«Клятва Гиппократ»

Текст клятвы Гиппократ начинается торжественно: «Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигиеей и Панакеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, ...»

С первых слов выделяется синтаксическая конструкция, характерная для рассматриваемого речевого акта: *Клянусь кем-то/чем-то*. Далее лицо, которое приносит присягу, клянётся исполнять данную присягу: «исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство...». В этом отрывке заметна новая синтаксическая конструкция, с помощью которой реализуется речевой акт «клятва».

Клянусь + инфинитив (исполнять, считать, делиться, помогать, изучать, преподавать и т.д.).

Также текст клятвы выражается не только с помощью инфинитива, но и в следующем виде: Я + ГЛАГОЛ (в форме будущего времени) Не дам... , не вручу..., буду делать..., умолчу о... и т.п.

Гарантией честного исполнения клятвенных обетов выступает надежда на достойное вознаграждение за добросовестность и верность. В противном случае данная клятва и блага, которые обещаны при её исполнении будут иметь обратный эффект.

Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

«Клятва российского врача». Клятва российского врача начинается менее торжественно в сравнении с клятвой Гиппократата. Первая сразу же отражает суть, начинаясь с глагола 1 лица, единственного числа в форме настоящего времени – клянусь, в то время как во второй можно выделить небольшую преамбулу, которая выражена в виде однородных деепричастных оборотов: получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, за которыми далее также следует типичная для речевого акта «клятва-обещание» синтаксическая конструкция:

*Местоимение (личное, 1 лицо, ед.ч) + наречие (образа действия) +
+ глагол (1 л., ед.ч., н.в.)*

Я торжественно клянусь ...

Далее даётся перечисление, которое выражается через: инфинитив глагола и: 1) инфинитив глагола, сочетающегося с наречием образа действия;

Честно исполнять свой врачебный долг;

Доброжелательно относиться к коллегам;

Постоянно совершенствовать своё профессиональное мастерство;

Быть всегда готовым;

2) инфинитив глагола в сочетании с именем прилагательным + имя существительное (в форме именительного падежа);

Проявлять высочайшее уважение к жизни человека;

Хранить благодарность и уважение к своим учителям;

Клятва российского врача построена по принципу кольцевой композиции:

«..., я торжественно клянусь...» - начало;

«... Клянусь!» – завершение;

Из анализа речевого акта «обещание-клятва» на примере клятв врачей можно сделать вывод о синтаксических конструкциях, с помощью которых реализуется рассматриваемое целенаправленное коммуникативное действие:

- 1) Клянусь чем-то/кем-то;
- 2) Клянусь + глагол в форме инфинитива;
- 3) Личное местоимение 1 лица, единственного числа + глагол 1л., ед.ч в форме будущего времени;
- 4) Личное местоимение 1 лица, единственного числа + наречие + глагол 1л., ед.ч., б.в.

Трудно не заметить, что семантика лексических единиц и словосочетания отражают ценностные доминанты врача, его миссию: врачебный долг, жизнь человека, профессионализм, честность, готовность без промедлений прийти на помощь.

Касательно воинской присяги отметим, что в её текстах неоднократно происходили изменения. Однако изменения не коснулись главного – фундаментальных ценностей военной картины мира, а именно понятий верность Отечеству, воинский долг, честь, верность присяге и других.

Анализ текстов присяги в разные периоды истории России позволяет проследить основные изменения, происходящие в обществе в связи с изменением структуры государства или формы правления. Яркой особенностью является изменение объема текста: в течение XX века текст присяги редактировался 5 раз и последний вариант в сравнении с изначальным уменьшился в шесть раз (из 267 слов стало 43). Помимо этого, наблюдается и «упрощение» текста: формулировки становятся лаконичными и менее красноречивыми. Так же с ходом времени менялось и наименование присягающего военнослужащего: в период Царского правления России – нижеименованный, в период советской власти – гражданин СССР, а после распада Советского союза человек произносил свои фамилию имя и отчество.

Однако некоторые положения так или иначе нашли отражение во всех редакциях (выделено зелёным). Например, формулировки «не щадя живота своего» (не щадя жизни), «до последней капли крови» встречается в четырёх вариантах. А клятва воинов в послушании перед начальством отражена в том или ином виде во всех текстах присяги.

Теперь рассмотрим каждый текст отдельно.

- Присяга в русской императорской армии – 267 слов

Воинская присяга в Царской России отражает верность воина Отечеству через многообразное перечисление ситуаций, в которых солдат может оказаться в период выполнения своего воинского долга. Воин, присягая, не только надеется на свои собственные способности оставаться честным и верным Родине, но и уповает на помощь Бога на этом нелёгком пути. Главные ориентиры для него: честность перед Богом и царём – Его помазанником. Мы видим, что исполнение воинских обязанностей возносится до служения Отечеству и царю, а через него своему народу.

Присяга русской императорской армии по своей лексике напоминает молитву, что особо подчёркивает её завершение словом Аминь, означающего в переводе с еврейского языка «истинно», «верно», «да будет». Аминь используется в нескольких случаях, одним из которых как раз является завершение молитвы, проповеди, текста Священного Писания. Также можно проследить особую религиозную настроенность текста, в котором клятва даётся воином не просто перед людьми и военачальниками, но перед самим Богом и Его Святым Евангелием. Клятву сопровождают невербальные действия, завершающие присягу: воин целует Евангелие и Крест.

Кроме того, следует обратить внимание на особенности синтаксических конструкций присяги русской императорской армии, которые напоминают синтаксис церковно-славянского языка. Эти особенности (в тексте мы их выделили) выступают в качестве культурного кода, выражающегося в особой религиозности русского народа и его правителей. Гарантией исполнения клятвы выступает не наказание, следующее за нарушение присяги, а чистая совесть человека пред Богом и упование на Его Божественную Помощь в трудностях.

- Присяга Временному правительству (1917) – 132 слова

Текст присяги Временному правительству объединяет в своей структуре и традиционные культурные элементы дореволюционной России, и особенности нового исторического этапа. В клятве появляются такие слова как Временное Правительство, установленное волею народа Учредительное собрание, гражданин. Однако всё также воин присягает пред Богом и своей совестью и в завершении клятвы осеняет себя крестным знаменем, что свидетельствует о сохранении веры в душах людей и восприятие Бога как свидетеля и единственного Праведного Судии. Гарантией исполнения клятвы всё так же является желание сохранить свою честь и чистую совесть.

Однако воин уже стремится выполнить клятву не ради Государя Императора, а ради блага Отечества. Кроме того, общее настроение текста уже звучит не так торжественно, как в предыдущем варианте.

- Военная присяга Красной Армии (1939-47 гг.) – 135 слов

Солдат РККА, присягая СССР, не уповает на Бога и не осуществляет клятву перед Святым Евангелием, он торжественно клянётся перед командованием. Однако заметно некоторое сходство в установке, отражённой в текстах присяг в царской России и в СССР: и в первом варианте, и во втором солдат обещает быть верным не только народу и государству, но и его руководству. Только в первом случае – это Государь Император, а во втором – Рабоче-Крестьянское Правительство.

Также в сравнении с присягой царской России, синтаксически конструкции в варианте клятвы советского солдата более краткие. Впервые вводятся в текст языковые средства, отражающие семантику антитезы «верность – предательство», т.е. вводится лексема «наказание» как результат нарушения клятвы. Подобное можно встретить и в клятве Гиппократов, составитель которой жил в Древней Греции и, следовательно, по вероисповеданию был язычником. То есть советские воины, отказавшись от православия, надеялись не на Божественное вмешательство и чудесный Промысел Бога, который «есть любовь» (1 Ин. 4: 7–8) как это было в Царской Православной России, а опирались на страх общества перед суровой карой советского закона, ровно так же как в период античности люди боялись кары злых и капризных богов.

- Присяга от 5 января 1992 года – 116 слов

Редакция текста присяги после распада СССР вновь становится меньше по объёму в сравнении с предыдущей. Также в её структуру вводятся понятия, характерные для нового исторического этапа: Российская Федерация, Конституция, государственные интересы РФ. Кроме того,

добавляются такие пояснительные конструкции как возложенные законным образом; не применять оружие против своего народа и законно избранным им органов власти; проходить военную службу в любом месте на территории РФ. Всё также гарантия исполнения клятвы выражена через языковые конструкции, которые ориентируют на последствия нарушения присяги и которые функционируют в анализируемом тексте уже в более нейтральном ключе. Например: в случае неисполнения клятвы военнослужащий несёт ответственность, установленную законами РФ. Здесь очевидна ссылка на директивы, а именно на законы РФ.

- Присяга в РФ (текст последней редакции) 28 марта 1998 года – 43 слова).

Последняя редакция текста присяги военнослужащего РФ представляет собой особый синтез основных положений предыдущих вариантов торжественной клятвы. И несмотря на свой небольшой объём (самый короткий вариант текста – в 6 раз меньше исходного), в нём отражены все основные культурные, социальные, политические изменения в истории Российского государства. Из присяги царской России в данный текст перешли такие слова как святость и Отечество, из периода правления Временного правительства, - слово командиры. Из редакции советского правительства наречие образа действия торжественно и понятие воинские уставы. А из варианта текста торжественной клятвы после распада СССР – такие понятия как Конституция РФ, свобода, независимость и конституционный строй РФ. Также особенностью является отсутствие языковых средств, ретранслирующих фактор наказания за неисполнение клятвы, что сближает текст последней редакции с вариантом присяги в Царской России и в то же время отличает её от формулировки военной клятвы в советский период. То есть теперь военнослужащий: снова исполняет присягу не столько из страха быть наказанным, сколько из стремления свято (т.е. честно, благородно, жертвенно и незыблемо)

выполнять свой воинский долг, чувствуя ответственность за условия жизни русского народа; боится не столько личного несчастья из-за сурового наказания, сколько нарушения прав и свобод своего народа.

Таким образом, проанализированные тексты позволяют констатировать схожесть, независимо от профессионально ориентированного дискурса, в плане ценностных доминант:

- долг – константа в обоих жанрах: в первом случае – врачебный долг, во втором – воинский долг;
- защита, помощь – в первом случае связана со спасением путём оказания медицинской помощи, во втором случае – с обеспечением безопасности с учётом принадлежности армии к важнейшим институтам государства;
- все тексты концептуализированы, в них отражены базовые ценности профессиональных картин мира; и в том, и в другом случае средства выражения речевых актов отражают долженствующе-обязывающий характер этих картин мира.

Таким образом, в русской языковой картине мира значение речевого акта обещания связано, прежде всего, с обязательствами, которые берёт на себя тот или иной человек, в концептуализированном плане, что подтверждается общеизвестными жанрами, в рамках которых реализуется актуализируемый речевой акт и которые носят концептуальный характер. Например, «Клятва Гиппократата», «Клятва российского врача», являющиеся ценностным феноменом медицинской картины мира, и «Воинская присяга» – ценностный феномен военной картины мира.

Выводы по главе II

Во второй главе, посвящённой описанию семантико-прагматического аспекта речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира, были определены объём и содержание понятия «обещание» в РЯКМ, приведено описание семантико-прагматических характеристик средств выражения речевого акта «обещание» в РЯКМ, выявленных в результате различных видов лингвистического анализа.

В результате практической части исследования мы пришли к следующим **выводам**:

1. Понятие «обещание» имеет очень широкое значение. Семантика речевого акта обещания всегда содержит два основных компонента: 1) обязательство выполнить какое-либо действие в интересах адресата или по его просьбе (что означает принятие на себя обязательства за выполнение данного действия); 2) обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства.

2. В русской языковой картине мира очевидно функционирование четырёх базовых типов обещаний: обиходные, ритуальные, институциональные и гарантийные. Важнейшим признаком обиходного обещания является соотношение между данным словом и его выполнением, в ритуальном комиссиве (его прототип – клятва) на первый план выступает сакрализация данного поступка, усиленная сопровождающими этот акт символическими действиями, в институциональном обещании акцентируется статус говорящего, в гарантийном комиссиве, используемом прежде всего в юридическом дискурсе, в центре внимания оказываются санкции за невыполнение взятых на себя обязательств. Комиссивы детально осмыслены в пословицах и афоризмах. Выделяются два основных вида предписаний применительно к обещаниям – для тех, кто обещает, и для тех, кому обещают. Первые требуют ответственно относиться к себе и окружающим,

вторые рекомендуют трезво оценивать поведение тех, кто легко дает обещания.

3 В реализации речевого акта «обещание» участвуют различные языковые средства (всего нами было выявлено 87 языковых единиц) – глаголы, фразеологизмы, просторечные конструкции. Основным средством реализации речевого акта обещания служат: а) лексические единицы обещать, давать слово, давать обязательство, присягать, гарантировать, ручаться, которые употребляются в разных стилях речи – и в официально-деловом, и в разговорном и др.; б) глаголы клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться, характерные для разговорной речи.

4. Речевой акт обещания является достаточно сложным и многоаспектным в плане своего функционирования в русской языковой картине мира. Его семантико-прагматические особенности характеризуются тем, что в русской языковой картине мира выделяется два типа ситуаций обещания:

1) ситуация первого типа предполагает, что обещание является вспомогательным побудительным стимулом к чему-либо и его употребление сопровождается другими типами речевых актов;

2) в ситуации второго типа обещание выполняет функцию положительной ответной реакции на различные другие речевые акты (например: РА просьбы, утверждения, сообщения, предостережения, угрозы и т. д.).

5. Средством реализации речевого акта обещания служат лексические единицы обещать, давать слово, давать обязательство, присягать, гарантировать, ручаться, которые употребляются как в официально-деловой, так и в разговорной речи; глаголы клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться, характерные для разговорной речи.

б. Особое место с точки зрения набора прагматических смыслов занимает реализация речевого акта обещания в интенциях клясться, божиться, целовать крест. Названные интенции включают в себя как минимум две коммуникативные ситуации:

1) Усиленное, торжественное обещание в условиях, когда кто-либо не верит кому-либо, или когда кому-либо трудно поверить в чьё-то обещание. Например: Катенька, я тебе обещаю, Христом-Богом клянусь, заброшу все дела и все сделаю, чтобы ты наконец счастливо вышла замуж (Александр Савельев «Аркан для букмекера»).

2) Торжественное уверение кого-либо в истинности сообщаемой другому лицу информации: Он взял крест. – Клянусь на кресте! Я тебя любил (Эдвард Радзинский «Княжна Тараканова»).

Общим для этих двух ситуаций является то, что говорящий как бы берёт в свидетели некую высшую силу, которая, в случае невыполнения обещания, клятвы, может покарать говорящего. Первое значение содержит сему «обещание, клятва», второе значение больше связано с семой «убеждать, уверять».

Заключение

Целью данного исследования было выявление и описание семантико-прагматических особенностей средств выражения речевого акта обещания в русской языковой картине мира.

В рамках задач первой главы, посвящённой рассмотрению теоретических основ исследования речевого акта «обещание» как фрагмента языковой картины мира, были рассмотрены подходы к определению понятия «речевой акт», проанализированы и обобщены существующие классификации речевых актов, рассмотрены лингвистические аспекты исследования речевых актов, описаны средства реализации речевых актов, речевой акт «обещание» рассмотрен в контексте пространства комиссивных речевых актов и в рамках ценностного аспекта русской языковой картины мира.

В рамках задач второй главы, посвящённой описанию семантико-прагматического аспекта речевого акта «обещание» в русской языковой картине мира, были определены объём и содержание понятия «обещание» в РЯКМ, приведено описание семантико-прагматических характеристик средств выражения речевого акта «обещание» в РЯКМ, выявленных в результате различных видов лингвистического анализа..

Результаты теоретической части исследования отражены в следующих положениях:

1. *Речевой акт* – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации.
2. Речевой акт обещания относится к группе комиссивов, понятие которых определяется через сочетание таких двух сем, как, во-

первых, обязательное выполнение или невыполнение того, что говорящий обязуется исполнить; во-вторых, стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.

3. **Речевой акт обещания** является достаточно сложным и многоаспектным в плане своего функционирования в русской языковой картине мира, и для понимания специфики этого функционирования средства выражения данного речевого акта принципиально исследовать относительно их семантического и прагматического потенциала.
4. **Обещание** связано с понятием чувства *долга, чести, достоинства*. Особенностью русского менталитета является отношение к понятию «слово», «обещание», которые самым непосредственным образом связаны с понятием «честь». Однако, с другой стороны, обещание не является юридическим документом, поэтому его невыполнение не влечёт за собой наказания. В данных национально-культурных нюансах проявляется амбивалентность понятия *обещание* в русской языковой картине мира.
5. Семантика речевых актов обещания всегда содержит два основных компонента:
  - 1) обязательство выполнить какое-либо действие в интересах адресата или по его просьбе (что означает принятие на себя обязательства за выполнение данного действия);
  - 2) обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства (т. е. положительная бенефактивность для адресата) [Ерофеева 2006, с. 129].
6. Речевой акт обещания является достаточно сложным и многоаспектным в плане своего функционирования в русской языковой картине мира. Его семантико-прагматические особенности

характеризуются тем, что в русской языковой картине мира выделяется два типа ситуаций обещания:

- 1) ситуация первого типа предполагает, что обещание является вспомогательным побудительным стимулом к чему-либо и его употребление сопровождается другими типами речевых актов;
- 2) в ситуации второго типа обещание выполняет функцию положительной ответной реакции на различные другие речевые акты (например: РА просьбы, утверждения, сообщения, предостережения, угрозы и т. д.).

7. Средством реализации речевого акта обещания служат лексические единицы *обещать, давать слово, давать обязательство, присягать, гарантировать, ручаться*, которые употребляются как в официально-деловой, так и в разговорной речи; глаголы *клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться*, характерные для разговорной речи.

8. Особое место с точки зрения набора прагматических смыслов занимает реализация речевого акта обещания в *интенциях клясться, божиться, целовать крест*. Названные интенции включают в себя как минимум две коммуникативные ситуации:

1. Усиленное, торжественное обещание в условиях, когда кто-либо не верит кому-либо, или когда кому-либо трудно поверить в чье-то обещание. Например: *Катенька, я тебе обещаю, Христом-Богом клянусь, заброшу все дела и все сделаю, чтобы ты наконец счастливо вышла замуж* (Александр Савельев «Аркан для букмекера»).
2. Торжественное уверение кого-либо в истинности сообщаемой другому лицу информации: *Он взял крест. – Клянусь на кресте! Я тебя любил* (Эдвард Радзинский «Княжна Тараканова»).

Общим для этих двух ситуаций является то, что говорящий как бы берёт в свидетели некую высшую силу, которая, в случае невыполнения обещания, клятвы, может покарать говорящего. Первое значение содержит сему «обещание, клятва», второе значение больше связано с семой «убеждать, уверять».

9. В русской языковой картине мира значение речевого акта обещания связано, прежде всего, с обязательствами, которые берёт на себя тот или иной человек, в концептуализированном плане, что подтверждается общеизвестными жанрами, в рамках которых реализуется актуализируемый речевой акт и которые носят концептуальный характер. Например, «Клятва Гиппократата», «Клятва российского врача», являющиеся ценностным феноменом медицинской картины мира, и «Воинская присяга» – ценностный феномен военной картины мира

Таким образом, речевой акт обещания в русской языковой картине мира – достаточно сложный, реализуется в основном с помощью глаголов, а в жанровом плане особое место занимает контексте клятвы.

Список литературы

1. Андреева, С.В. Трансформация вопросительных высказываний в речевом общении / С.В. Андреева // Вопросы стилистики. Вып. 27: Человек и текст. – Саратов, 1998. – С. 75-80.
2. Анипкина, Л.Н. Оценочные высказывание в прагматическом аспекте / Л.Н. Анипкина // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 58-65.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – Т. I–XVI. – 896 с.
4. Асеева, В.В. Теория речевых актов: принципы и проблемы / В.В. Асеева // Вестник Науки и Творчества. – 2016. – С. 6-10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rechevyh-aktov-printsipy-i-problemy> (дата обращения: 13.07.2022).
5. Безменова, Л.Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материала комплиментов в современном английском языке). Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Самара, 2001. – 18 с.
6. Боброва, Е.Д. Роль теории речевых актов в становлении и развитии лингвистической прагматики / Е.Д. Боброва // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 5-11.
7. Богдагович, Г.Ю. Лингвистическая репрезентация: духовно-нравственные ценности в наивной картине мира современного социума / Г.Ю. Богданович // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 4 (70). – № 1. – С. 204-222.
8. Бондаренко, А.И. К проблеме соотношения семантики и прагматики: окказионализмы как прагма-семантические конверсивы / А.И. Бондаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12 (54): в 4-х ч. –

Ч. I. – С. 43-46.

9. Боргер, Я.В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: На материале современных драматических произведений: автореферат... кандидата филологических наук: 10.02.01 – Русский язык: Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 22 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kompleksnyi-analiz-rechevykh-aktov-negativnoi-reaktsii-na-materiale-sovremennykh-dramaticheskikh-proizvedeniy> (дата обращения: 12.07.2022).
10. Булыгина, Т.В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. – С.49-59.
11. Бут, Н.А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий / Н.А. Бут // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2003. – Т. 9. – № 1. – С. 130-135.
12. Былина, Е.Э. Прагматика обещания в современном англоязычном дискурсе / Е.Э. Былина // Человек и наука. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/pragmatika-obeschaniya-v-sovremennomangloyazychnom-diskurse#ixzz3eMG rmAQ9>
13. Былина, Е.Э. Прагматика обещания в современном англоязычном дискурсе: автореферат... кандидата филологических наук: 10.02.04 – Германские языки / Иркутск, 2012. – 21 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-obeshchaniya-v-sovremennom-angloyazychnom-diskurse>
14. Бычихина, О.В. Интенции отказа с точки зрения интерпретативной лингвистики / О.В. Бычихина // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. – Т. 1. – Лингвистика. – Новосибирск, 2002. – С. 95-102.
15. Виды лингвистического анализа: учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 3. / Е. А. Абрамова [и др.]; под ред. проф. М. В. Пименовой; Владим. гос. ун-т

- им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – 159 с.
16. Волынкина, С. В. Фактор искренности в комплиментарных оценках / С. В. Волынкина // Молодой ученый. – 2010. – № 4 (15). – С. 196-198. – URL: <https://moluch.ru/archive/15/1431/> (дата обращения: 13.07.2022).
  17. Галлямова, Н.Ш. Речевой акт «Обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты / Н.Ш. Галлямова // Язык и культура. – 2010. – С. 16-31.
  18. Гашева, О.А, Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2007. – 205 с.
  19. Гашева, О.В. Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
  20. Гловинская, М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых жанров / Я.М. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
  21. Гончарова, Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – С. 396-405.
  22. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в

- зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – Москва, 1985. – С. 217 – 237.
23. Груздева, Е.Б. Ритуализированный характер речевых актов: методические аспекты / Е.Б. Груздева // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 5 (38). – С. 35-40.
24. Дмитриева, М.И. Семантико-прагматические и стилеобразующие характеристики экспрессивных единиц языка: На материале авторских текстов: автореферат... кандидата филологических наук: 10.02.04 – Германские языки / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова / Нижний Новгород, 2000 – 17 с.
25. Ейкалис, Ю.А. Теория речевых актов и лингвопрагматический анализ немецкоязычных комиксов / Ю.А. Ейкалис // *Вестник Самарского государственного университета*. – 2015. – № 11 (133). – С. 73-81.
26. Ерофеева, Е.В. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта обещания в современном французском и английском языках / Е.В. Ерофеева // *Вестник ЮУрГУ*. – 2006. – № 6. – С. 128-132.
27. Жихарева, Н.А. Классификация речевых актов и её разновидности / Н.А. Жихарева, О.Р. Петренко // *Восточноставянская филология. Языкознание*. – 2018. – № 7 (33). – С. 92-100.
28. Зыблева, Д.В. Междометия как речевые акты общения / Д.В. Зыблева // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*. – 2016. – №1(47). – С. 119-122. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdometiya-kak-rechevye-akty-obshcheniya> (дата обращения: 13.07.2022).
29. Ильязова, О.А. Семантико-прагматические особенности потенциально-предикативных структур / О.А. Ильязова // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. – URL:

<https://web.snauka.ru/issues/2016/05/66759> (дата обращения: 08.07.2022).

30. Кара-Мурза, Е.С. Коммуникативные парадигмы «Директивы» и «Эвалюативы» как признаки речевых преступлений и как обучающие единицы лингвоконфликтологии / Е.С. Кара-Мурза // Юрислингвистика. – 2010. – С. 197-210.
31. Кирьякова, О.В. Перлокутивные глаголы в современном немецком языке / О.В. Кирьякова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Выпуск 3 (105). – С. 81-85.
32. Кирьякова, О.В. Акторечевой потенциал перлокутивных глаголов современного немецкого языка / О.В. Кирьякова // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – №1. – С. 102-104.
33. Колоколова, Н.М. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта, структурно-семантическая модель речевого акта обещания. – URL: https://upload.pgu.ru/iblock/cd5/uch_2008_iv_00026.pdf
34. Колоколова, Н.М. Речевой акт обещания как структурно-семантическая модель / Н.М. Колоколова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (9): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 86-88.
35. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенный речевой акт / Р. Конрад // НЗЛ. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 349-383.
36. Которова, Е.Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) / Е.Г. Которова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 405-423.
37. Крайнова, А.С. Систематизация опыта научного описания речевых стратегий и тактик в современной лингвистике / А.С. Крайнова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – С. 254-258. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemizatsiya-opyta-nauchnogo-opisaniya-rechevyh-strategiy-i-taktik-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 13.07.2022).
38. Красина, Е.А. Семантико-прагматический анализ русских ассертивных высказываний / Е.А. Красина // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 2. – с. 76-82.
39. Кронгауз, М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв, фак. высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
40. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. Отв. ред. Ю.Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
41. Насильников, Е.В. К вопросу актуальности теории речевых актов Джона Остина и Джона Серля / Е.В. Насильников // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум – 2022». – URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018029562> (дата обращения: 13.07.2022).
42. Никулина, Е.Г. Аффективные речевые акты в системе эмоционально-оценочной интеракции / Е.Г. Никулина // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – С. 54-58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/affektivnye-rechevye-akty-v-sisteme-emotsionalno-otsenочноy-interaktsii> (дата обращения: 11.07.2022).
43. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf (дата обращения: 09.07.2022).
44. Оглезнев, В.В. Аскриптив как речевой акт / В.В. Оглезнев // Эпистемология & философия науки. – 2013. – Т. XXXV. № 1 – С.

- 167-181.
45. Оглезнев, В.В. Обещание, условие искренности и речевые акты / В.В. Оглезнев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 338-347.
  46. Падучева Н.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью // Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985.
  47. Панов, А. Прагматика обещания в современном англоязычном дискурсе: автореферат. ...кандидата филологических наук: 10.02.04 – германские языки / Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2013. – с. – URL: <https://pandia.ru/text/79/389/19176.php>
  48. Петров, М.В. Речевые акты в философии / М.В. Петров // С. 117-122 – URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1915/21.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).
  49. Прагмалингвистический анализ РА Обещания в политическом дискурсе. – URL: https://studwood.net/1347698/literatura/pragmalingvisticheskiy_analiz_o_beschaniya_politicheskom_diskurse
  50. Путина, О.Н. Речевая коммуникация: прагматический аспект / О.Н. Путина, С.В. Балакин // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 1. – С. 4-9.
  51. Ранних, Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 1994. – 20 с.
  52. Реджепова, Б.Б. Особенности речевых актов обещания в англоязычном дискурсе // С. 286-290. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/160750/1/Реджепова%20ББ-286-290.pdf>

53. Речевой акт обещания в политическом дискурсе (на материале английского языка). – URL: https://revolution.allbest.ru/languages/00391925_0.html
54. Сальникова, Ю.А. Проблема оценочных речевых актов в лингвопрагматической концепции / Ю.А. Сальникова // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2009. – № 1 (2). – С. 110-116.
55. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. Ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – Москва: Прогресс, 1986. – 218 с.
56. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.
57. Слепцова, М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Слепцова Мария Александровна; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2008. – 18 с.
58. Условия успешности речевого акта обещания. – URL: https://studwood.net/1347697/literatura/usloviya_ushpeshnosti_rechevogo_akta_obeschaniya
59. Шатуновский, И.Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 319-324.
60. Шмелёва, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов, 1997.
61. Ягунова, Е.В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е.В. Ягунова, Л.М. Пивоварова // Научно-техническая информация. – 2010. – Серия 2. – №6. – С. 30-40. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15104841> (дата обращения:

13.07.2022).

Словари

62. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – URL http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/144805 (дата обращения: 14.01.2022).
63. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов / З.Е. Александрова. – 17-е изд., стер. – Москва: Дрофа: Рус. яз. – Медиа, 2010. – 564 с.
64. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. – 567 с.
65. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.
66. Евгеньева, А.П. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А. П. Евгеньева; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – Москва: Русский язык, 1985-1988.
67. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
68. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – стер. 7-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 2000.
69. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. Ростов н/Д. – 4-е изд., стер. – М., 2008.
70. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва: Рус. яз., 1998. – 846 с.
71. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов.

- СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
72. Переферкович, Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – 8-е изд., стер. – Москва: Русские словари, 2006. – 665 с.
73. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имён. - Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Национальный корпус русского языка. Составители: О. Л. Бирюк, В. Ю. Гусев, Е. Ю. Калинина. – М., 2008. http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php
74. Тришин, В.Н. Словарь синонимов ASIS. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/144805.
75. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 3-е изд., стер. – СПб: Терра – Азбука, 1996.
76. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.